

БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Вл. ИОРДАНСКИЙ

К АБИДЖАНУ я подъезжал поздней ночью. Неожиданно оборвался лес с его бесконечными серенадами цикад и сладким запахом невидимых цветов, и начался город. Абиджан... О его богатствах с блеском в глазах рассказывал молодой деревенский парень, зарабатывавший там деньги на выкуп своей первой жены. Знакомый архитектор-француз с восторгом говорил о прекрасной планировке и великолепных зданиях молодой столицы. И наконец Абиджан. Здесь есть и небоскребы, вроде прямоугольного здания банка, и роскошные магазины, как бы перенесенные в тропики прямо из Парижа. В центре города, рядом с мэрией, раскинулся ярко-зеленый сквер. Там матросы и туристы могут приобрести недорогие сувениры (изготавливаемые едва ли не целыми деревнями специально для них) — луки и сделанные с учетом европейского вкуса «старинные» маски.

БЕТОННЫЕ МАСКИ

Да, к Абиджану нельзя относиться равнодушно. Однако житель Европы и приезжий из африканской глуши не могут не смотреть на этот город разными глазами. Когда позади Париж или Лондон, Абиджан выглядит «великим достижением» Европы на «диком» континенте. Другое дело, если за спиной тысяча километров африканских дорог, глинобитные хижины, беспросветная народная нужда... При виде очередного бетонного красавца невольно возникает вопрос — нищетой скольких деревень заплачено за каждый метр его взлета к голубому небу? Из всех районов столицы мне особенно понравился Трейшвиль. Этот африканский квартал отде-

лен от городского центра лагуной и связан с ним не так давно построенным мостом, носящим имя президента Уфуэ-Буаьи. На пыльных улицах района нет таких роскошных витрин, как в центре, не высятся здесь и небоскребы. Трейшвиль интересен иначе и иным.

Прислонившись к стене дома, сидит торговец; перед ним две-три банки консервов, куски сахара, раскрытая пачка продаваемых поштучно сигарет. Рядом шумно играют ребятишки. Их очень много на улицах Трейшвиля, а еще больше выглядывает из-за спин вечно спешащих куда-то матерей. На перекрестке — небольшая мастерская ювелира, через ее открытую дверь видно красное мерцание горна. Возле мелких лавчонок толпятся молодые парни. Эти лавчонки, где можно выпить ледяного пива, стали своеобразными клубами.

Трейшвиль богат жизнерадостностью, жизнерадостным. Пожалуй, только на его улицах можно вдруг оказаться среди мужчин и женщин, танцующих под ритм барабанов. Вечерами из открытых окон домов несутся звуки не очень слаженных, но играющих с большим подъемом оркестров. Здесь могут пригласить прямо с улицы в дом совершенно незнакомого человека и принять его, как долгожданного и дорогого гостя.

Совершенно неожиданным образом в положении приглашенного оказался и я. В лавку, где я пил воду, вошли двое парней и попросили сразу десяток бутылок пива. Я шутливо поинтересовался, не заключили ли они пари, кто больше выпьет. Засмеявшись, они сказали, что ждут друзей, а потом спросили, не свободен ли я.

— Места и пива хватит на всех!.. — заулыбался один из них, показывая на бутылки.

...Небольшая комната была полна народу. Из проигрывателя с шумом вырывалась мелодия модного в Абиджане танца ча-ча-ча. Меня представили главе дома, белоголовому старику в пестром, сползающем с плеча бубу.

— Попробуйте нашего пальмового вина,— предложил старик. Разлив напиток по стаканам, он выплеснул несколько капель на пол, чтобы «котцы не испытывали жажды», и пригубил стакан.

— Так Абиджан вам понравился? И я люблю наш город,— говорил он.— А помню время, когда центр столицы был окружен дремучим лесом, и ничего здесь больше не было, кроме жалкой кучки лачуг и пакгаузов.

— Эти большие дома,— старик махнул рукой куда-то в сторону,— выросли после войны. Их строили владельцы банков, торговых домов, администрация, строили на деньги бедных. Дома росли быстро, как бамбук. А еще быстрее увеличивалось в городе число бедняков. Они тоже строили свой город. Так и появились два Абиджана. На моих глазах!

Старик замолчал, положив сухие узловатые руки на колени. Окружавшие нас ребята тоже молчали и из уважения к возрасту учителя (старик прежде работал учителем), и в ожидании того, что он скажет еще.

— В моей родной деревне,— снова заговорил хозяин,— не было голодных, не было раздетых. Мы не знали радио и газет, мы были «дикарями», но наша жизнь... Да что говорить! Вы только посмотрите кругом, как сейчас живут люди. Не живут, бедствуют! Разве можно сравнить с моим временем?

Глаза старика повлажнели, он поднялся, и только теперь — по его осторожной походке, по угловатой сутулости плеч — я понял, сколько долгих лет лежит за его спиной, как тяжок этот груз.

Учитель вышел, но разговор продолжался. Один из парней, пригласивших меня в этот дом, заметил:

— Конечно, в городе стало невесело. Работы нет. Сейчас даже в порту или на стройке труднее найти место, чем два-три года назад. Но,— обратился он к своему соседу,— ведь в город уходят не потому, что здесь хорошо, а потому что в деревне невыносимо. Не так ли?

Его друг согласно кивнул головой.

Была поздняя ночь, когда я покинул этот гостеприимный дом. И почему-то мне вдруг вспомнился местный музей с его богатой коллекцией масок. Там можно увидеть изображения богов плодородия и повелителей различных стихий, изображения обожествленных предков и нет, пожалуй, маски только одного бога — «белого бога» колониализма. Этот бог пришел сюда в грохоте выстрелов карательных отрядов, под шелест банкнот в руках торговцев, и тысячи жертв не могли утолить его ненасытной, свирепой жадности.

— А небоскребы,— думалось мне,— ведь это же бетонные маски колониализма, скрывающие за простой простотой линий все его уродливое обличье! Разве не ложь это многоэтажное великолепие в стране глинобитных хижин под крышами из пальмового листа или соломы?

«ОДНОНОГАЯ» ЭКОНОМИКА

Сложный и многообразный мир открывается за городскими границами. Селения народа бауле с их хижинами под двускатными крышами внешне ничем не напоминают деревушек народности сенуфо с круглыми мазанками под коническими соломенными колпаками. Плетенные из пальмового листа и

тростника жилища так называемых лагунных племен не менее отличны от глинобитных лачуг лоби, чем юрта казаха от сакли кавказского горца.

Деревня Берега Слоновой Кости поистине многолика. Не с первого взгляда и не в первые дни в этой множественности образов жизни, культур начинаешь замечать какие-то глубокие явления. Лишь постепенно приходишь к выводу, что внешние различия между отдельными областями страны не сводятся к различиям чисто этнического характера, что значительно важнее разница в уровнях экономического развития.

...Эксплуатация Берега Слоновой Кости проводилась французскими монополиями беспощадно. С помощью жестких административных мер колониальные власти еще перед второй мировой войной «внедрили» в стране культуры кофе и какао. Хотя среди крестьян племени ани, например, и существовало поверье, что посадивший шоколадное дерево умрет, как только с этого дерева будут собраны первые плоды, драконовские методы колониалистов оказались сильнее суеверий. Постепенно плантации какао распространились. Долгое время французские поселенцы не подпускали не только африканцев, но и ливано-сирийцев к выращиванию бананов. Тем не менее африканское население начало возделывать и бананы.

Если к плантациям кофе, какао, бананов добавить лесные разработки, то будут учтены основные источники богатств страны, а, точнее, основные источники обогащения французских торговых компаний. Статистические таблицы красноречиво подтверждают этот вывод.

Можно только гадать, какая доля выручки от продажи кофе осталась у крестьянина и какая попала в бесконечно широкий карман колониальных монополий. Статистика в этом случае не страдает излишней откровенностью. Однако абиджанские небоскребы, сооруженные этими монополиями, подтверждают, что на Береге Слоновой Кости обделывались неплохие дела.

Производство экспортных культур после второй мировой войны возросло непрерывно. Страна переживала «экономический бум».

Относительный рост благосостояния крестьянства лесных областей при продолжающемся застое экономики саванн имел немалые последствия. Фермеры лесной зоны стали испытывать необходимость в наемной рабочей силе. Многие из них выросли в стопроцентных кулаках. Одновременно из районов, оставшихся в стороне от бананово-кофейного ажиотажа, на юг хлынул поток крестьян. В архивах Сикасо, небольшого малийского городка вблизи границы с Берегом Слоновой Кости, мне довелось видеть документы административного обследования деревень округа. Согласно этим материалам, из ряда деревень на плантации Берега Слоновой Кости ушла вся молодежь. Десятки тысяч людей двинулись на юг из Верхней Вольты, из северных районов самой республики, образовав текучую, неустойчивую прослойку сельскохозяйственного пролетариата. По некоторым данным, из Мали, Верхней Вольты и других соседних стран на Берег Слоновой Кости пришло около шестисот тысяч человек. Лишь сравнительно небольшая их часть осела в городах.

В Абиджане служащий министерства сельского хозяйства говорил мне:

— Вас интересует, много ли крестьян использует наемную рабочую силу? Да, в зоне леса в каждом крупном хозяйстве нанимают рабочих, когда недостает женских рук.

— Почему именно женских?

— У многих племен уход за плантациями является главным образом делом женщин. Мужчины расчищают участки, тогда как за деревьями смотрят женщины. Это традиция, обычай.

— Этот обычай продолжает сохраняться?

— В ряде районов. Но, конечно, появление сезонных рабочих ведет к его отмиранию.

В одном местечке на границе с Ганой я долго разговаривал через добровольца-переводчика с крестьянином из народа моси, пришедшим сюда на заработки издалека. До его родной деревни несколько сот километров...

— В нашей деревне,— рассказывал он,— каждый мужчина побывал или в Гане, или на Береге Слоновой Кости. В Гане платят меньше, но и цены там ниже. Мы уезжаем после уборки урожая и возвращаемся к началу полевых работ. Хозяин нас кормит, дает жилье и кое-что платит. Мне давали шесть тысяч франков в месяц.

— Это много?

— У себя иной раз и за год я не вижу таких денег.

Во время одной из поездок по стране я познакомился со служащим Французской компании Западной Африки. Компания занимает видное место во внешней торговле республики, и мне было интересно узнать мнение моего нового знакомого об экономическом положении страны.

— Знаете, как называют экономику Берега Слоновой Кости?— улыбаясь спросил он.— Одноногой. Кофе, бананы, лес—это одна нога. А где вторая? Берег Слоновой Кости—аграрная страна, но ввозит продовольствия на четыре миллиарда африканских франков! Это ли не парадокс?

На конференции африканских фермеров в Гане я заговорил с представителем крестьянства Берега Слоновой Кости. Отвечая на мой вопрос, он прочитал мне небольшую, но довольно содержательную «лекцию».

— Сельское хозяйство Севера и Юга,— начал он,— различается коренным образом. Если на Юге оно специализировано, товарно, то крестьяне Севера почти не производят товарной продукции. Их хозяйство замкнуто, носит натуральный характер. Основное орудие труда здесь по-прежнему мотыга. А это значит, что количество обрабатываемой земли прямо пропорционально числу рабочих рук, способных этой мотыгой пользоваться. Удобрения на Севере практически никогда не применяются. Собранный урожай находится в зависимости от того, больше или меньше земли удалось обработать крестьянину. В связи с производством в основном какао-бобов, бананов и кофе на Юге резко сокращаются площади под другими продовольственными культурами. Одновременно с Севера сюда приходят на заработки десятки тысяч молодых здоровых парней. Вот на Севере и снижаются урожаи продовольственных культур.

Благодаря этой коротенькой лекции стало понятным главное. Диспропорции в развитии отдельных отраслей хозяйства, диспропорции в развитии отдельных областей страны, диспропорции в развитии города и деревни—этими чертами определялось состояние молодой республики.

ВРЕМЯ ПЕРЕЛОМА

«Кофейная» лихорадка 40—50-х годов обернулась острейшим кризисом.

Когда я был в Абиджане, местные газеты уже в полный голос говорили о резком падении цен на

кофе на мировом рынке. Об этом писали не только журналисты—били тревогу коммерсанты, министры, видные деятели Демократической партии Берега Слоновой Кости.

Болнение в абиджанских «верхах» понятно: падение цен на кофе наносило жесточайший удар по единственной «ноге», на которой держится экономика страны. Коммерсантов потрясла угроза потерять эту «золотую жилу». Перспектива сокращения бюджетных поступлений пугала министров. Что касается деятелей партии, то до их сознания постепенно доходило понимание того, что кризис кофе рискует ежеминутно обернуться напряженными социальными конфликтами по всей зоне леса.

Растерянность—плохой учитель. Не удивительно, что в «верхах» царил полный разброд мысли. Одни предлагали срочно переориентировать сельское хозяйство страны на какую-либо новую экспортную культуру, другие настаивали на возвращении к рису. Специалисты-агрономы указывали, что внедрение новых экспортных культур—каучуконоса-гевеи, кокосовой пальмы, сахарного тростника возможно только в некоторых районах. И, кроме того, республика не может не натолкнуться здесь на сокрушительную конкуренцию со стороны стран, давно специализующихся на выращивании этих культур. Сторонникам риса и других новых продовольственных культур оппоненты возражали, что этот шаг назад рискует вызвать сопротивление всего крестьянства лесной зоны.

Эффект, произведенный в деревне резким падением цен на кофе, может быть сравним разве что с последствиями резкого торможения поезда.

В министерстве информации мне передали программную речь президента Уфуэ-Буаны, прочитанную им в Национальном собрании республики в начале 1961 года. Это был довольно развернутый план создания в стране режима, определенного президентом как «государственный капитализм».

Сравнительно недавно стали известны основные вехи правительственной политики в деревне. Еще ни одно правительство в Африке не выступало со столь последовательной программой разрушения сельской общины и все еще существующих пережитков родоплеменного строя. Но в чьих интересах была выдвинута эта программа? На Береге Слоновой Кости подготавливался путь для торжества капиталистических отношений в деревне.

Особое значение имеет здесь закон о земельной собственности, проект которого внесен правительством на рассмотрение Национального собрания. В силу этого закона, необрабатываемые земли должны стать собственностью государства. Выступая недавно, министр обороны подчеркнул, что «это не означает, что правительство экспроприирует всех тех, кто имеет землю, и таким образом совершит акт произвола». По словам министра, государство хочет покончить с положением, когда собственность на землю определяется тем, чей предок родился на этой земле. Ясно одно: если правительство применит новый закон полностью, то день его вступления в силу будет на Береге Слоновой Кости последним днем существования общинной собственности на землю.

Нынешнее время—время перелома. Прошлое отмирает. Восторжествует ли на развалинах старых традиций и обычаев капитализм, или будут найдены надежные, верные пути к счастью и благосостоянию всех трудящихся республики? В споре правителей и народов последнее слово всегда остается за народами.